

УДК 82.09

В. И. Габдуллина

Барнаул, Россия

МОТИВ СМЕРТИ – ВОСКРЕСЕНИЯ В СИБИРСКОМ ТЕКСТЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Рассматривается мортальный сюжет романа «Записки из Мертвого дома», который разворачивается у Достоевского в соответствии с идеей автора о духовном воскресении через страдание. Сибирь у Достоевского представляет собой пространство смерти (воплощенное в образе острога), пройдя через которое, его герои возвращаются к жизни. Сибирь – это почва, которая принимает «падшее зерно» и дает жизнь новому «плоду». Мотив воскрешения Сибирью получает развитие в сюжетах ряда произведений Достоевского, что позволяет говорить о функционировании мотива в сибирском тексте писателя. В публицистическом дискурсе в соответствии с историософской концепцией почвенничества Достоевского Сибирь приобретает значение топоса возрождения не только отдельной личности, но и всей нации.

Ключевые слова: мотив, сибирский текст, композиция, сюжет, почвенничество, топос возрождения.

Как отмечено в литературоведении, «Сибирь в российском культурном сознании обрела характеристики и свойства мифологической *страны мертвых*» [1, с. 27]. В. И. Тюпа пишет по этому поводу: «Уникальное взаимоположение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [1, с. 28].

Для Достоевского Сибирь – место покаяния и духовного возрождения через страдание. Такое понимание Сибири имеет свою литературную традицию. Именно в Сибири должен был духовно возродиться, по замыслу автора, гоголевский Чичиков, в ненаписанном томе «Мертвых душ». Как отмечает Ю. М. Лотман, «...сюжетное звено: *смерть – ад – воскресение* в широком круге русских сюжетов подменяется другим: *преступление (подлинное или мнимое) – ссылка в Сибирь – воскресение*» [2, с. 723–724].

Габдуллина Валентина Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия, vigv@mail.ru)

ISSN 2410-7883 Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2. С. 101–108.

© В. И. Габдуллина, 2015

Говоря о «широком круге русских сюжетов», исследователь, имеет в виду, прежде всего, произведения Достоевского, который воплотил коллизию возрождения героя Сибирью, недописанную Гоголем. Но в отличие от Гоголя идея воскресения связана у Достоевского с собственным сибирским опытом каторги и ссылки. Между тем Ю. Лотман пишет об отсутствии сюжета воскресения в «Записках из Мертвого дома» Достоевского: «...в единственном романе, где Сибирь показана в реально-бытовом освещении, – в “Записках из Мертвого дома”, – хотя в самом заглавии Сибирь приравнена смерти, – сюжет воскресения отсутствует» [2, с. 725].

Действительно, во Введении издатель «Записок...» извещает о смерти Александра Петровича Горянчикова – поселенца, отбывшего десятилетний срок каторги и оставившего после себя тетрадку с «замечками о погибшем народе». Вместе с тем логика композиции Записок дает основание и для другой точки зрения, сформулированной японским литературоведом-славистом Коити Итокава.

По его мнению, двухчастность композиции «Записок» неслучайна, она соответствует духовному движению автора – вначале он погружается во мрак Мертвого дома, затем начинает освобождаться от него. Первая часть соответствует мотиву *туда* (в Мертвый дом из Живого). Вторая – мотиву *обратно* (из Мертвого дома в Живой). Статья Итокава так и называется «Записки о “Живом доме”» [3, с. 152]¹.

Открывается первая часть «Записок...» Ф. М. Достоевского главой «Мертвый дом». Словосочетание, которое вынесено в название всего произведения, очевидно, особенно значимо для автора – в нем содержится скрытый *оксюморон*. Дом – место жизни, символизирует охраняемое Богом пространство. Пространство Дома всегда сакрализировалось, как в язычестве, так и в христианстве. Живой дом в христианстве – это дом с *образом*, намоленное пространство. Острог – это мертвое пространство. Атмосферу Мертвого дома можно сравнить только с нечистым местом, *адом*, хозяином которого является дьявол. «*Черт трое лаптей сносил, прежде чем нас собрал в одну кучу!*», – говорят каторжане [4, т. 4, с. 13].

Особое место в первой части занимает эпизод *в бане*, неоднократно привлекавший к себе внимание исследователей². В описании каторжной бани явно присутствуют коннотации, отсылающие к семантике ада: тесное помещение, битком набитое страшными уродливыми телами: «*Когда мы растворили дверь в баню, я думал, что мы вошли в ад*» [Там же, с. 98]. «*Это был уже не жар, это было некло. Все орало и гоготало при звуке ста цепей, волочившихся по полу...*» [Там же], «*Мне пришло на ум, что если мы вместе будем когда-нибудь в некле, то оно очень будет похоже на это место*» [Там же, с. 99]. А. Тоичкина замечает: «В сцене в бане на символическом уровне обозначается одна из важнейших идей произведения: земной ад не вечен, приговор не окончателен и принятое в нем страдание может быть очистительным и искупительным в измерении вечности» [6, с. 101–102]. Первая часть «Записок...» заканчивается словами: «*Не навсегда же я здесь, а только на несколько лет – думал я и склонял свою голову на подушку*» [4, т. 4, с. 130], которые предваряются сонным бормотанием одного из арестантов: «*Господи Иисусе Христе, помилуй нас!..*» [Там же]. Таким образом, является мысль о возвращении к жизни, *надежда на воскресение*.

¹ См. также: Итокава К. Записки о «Живом доме» (часть вторая «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского) // Достоевский и современность (Материалы Достоевских чтений). Семипалатинск, 1992. Сб. 2. С. 1–12; Итокава К. Записки о «Живом доме»: парадоксальность композиции «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского // Литература и Сибирь: Межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 1997.

² См. об этом: [5; 6].

Если в первой части действие замыкается в пространстве острога, то во второй оно постепенно перемещается на периферию. Вторая часть записок открывается главой «Госпиталь». Госпиталь – это место отдыха от скученности, грязи, холода арестантской казармы, это в то же время переходное (пограничное) пространство, способное обернуться как жизнью, так и смертью. Сцены в Госпитале (три главы второй части) в композиции записок занимают промежуточное место между частями.

Следующая пространственная периферия – берег Иртыша – описана ранней весной накануне Пасхи: *«Но вот уже начало апреля, вот уже приближается и святая неделя. Мало-помалу начинаются и летние работы. Солнце с каждым днем все теплее и ярче; воздух пахнет весной и раздражительно действует на организм. Наступающие краски дня волнуют и закованного человека, рождают в нем какие-то желания, стремления, тоску»* [4, т. 4, с. 173]. В главе «Летняя пора» действие все более отдаляется от центра – от мертвого пространства острога. Несмотря на тяжелую каторжную работу, у героя крепнет желание выжить во что бы то ни стало: *«...мне нравилось, что от работы во мне, видно, развивалась сила <...> А я еще хотел жить и после острога...»* [Там же, с. 178]. Берег Иртыша приобретает семантику пограничного локуса, между Мертвым домом и миром живых: *«...работа производилась на берегу Иртыша. Я потому так часто говорю об этом берегу, что единственно только с него и был виден мир божий...»* [Там же]. *«На берегу только и можно было встать к крепости задом и не видеть её. <...> На берегу же можно было забыться: смотришь, бывало, в этот необъятный пустынный простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы на свободу»* [Там же].

Во второй части все чаще появляются мотивы, связывающие Мертвый дом с живым миром. Особое место занимает сцена пасхального богослужения, которая пробуждает в арестантах мысль, что *«перед богом-то все равны»* [Там же, с. 177]. В главе «Каторжные животные» автор изображает пробуждение черствых душ каторжан в результате общения с живыми существами, которые, хотя и названы *каторжные животные*, для заключенных становятся вестниками иного свободного мира. Автор рассуждает о том, что общение с животными могло бы смягчить звериный нрав арестантов, однако держать животных в остроге не разрешалось. Но был всеми любимый конь Гнедко, появлялись собаки – Белка, Шарик и Культипка, был козел Васька, которого арестанты очень любили, даже хотели позолотить ему рога, но не исполнили, и которого пришлось резать по приказанию плац-майора. Однажды в остроге появился орел, которого принесли раненого и измученного. Его кормили мясом, ухаживали за ним, но орел всех дичился. *«Вестимо, птица вольная, суровая, не приучишь к острогу... Знать, он не так, как мы... ему, знать, черта в чемодане не строй, ему волю подавай...»*, – рассуждают арестанты [Там же, с. 194]. Когда орла решили выпустить на волю и понесли его на крепостной вал, *«все были чем-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу»* [Там же].

Вполне логично следом идет глава «Претензия» о попытке протеста против дурной еды, затем глава «Побег» и последняя глава – «Выход с каторги».

Вторая часть заканчивается словами: *«Кандалы упали. Я поднял их... Мне хотелось поддержать их в руке, взглянуть на них в последний раз. Точно я дивился, что они сейчас были на моих ногах. <...> Да, с богом. Свобода, новая жизнь, воскресение из мертвых... Экая славная минута...»* [Там же, с. 231].

Таким образом, логика композиции прочерчена: от *ада* к *воскресению*. Нельзя не заметить, что в первой части помещена глава «Праздник Рождества Христова», а в части второй в главе «Летняя пора» идет речь о Святой неделе и Пасхе. Таким

образом, герой повторяет путь Христа: от рождения, через смерть (условную) и ад к воскресению³.

Композиция «Записок из Мертвого дома» построена именно так, что мысль о воскресении венчает повествование. Достоевский неслучайно относит информацию о смерти автора записок Горянчикова к началу повествования, завершая повествование на оптимистической ноте, тем самым передавая свои собственные ощущения и переживания. Умер Горянчиков – маска автора. Остался автор, возродившийся через каторгу к новой жизни. Главный итог каторги для автора – возрождение веры – *воскресение из мертвых*. Развязка вовсе не безнадежная⁴.

Вообще следует отметить, что после пережитого самим Достоевским в Сибири «духовного переворота» он настойчиво возвращается к мотиву «воскрешения Сибири» почти во всех своих крупных романах. По мнению Н. Е. Разумовой, для героев Достоевского так же, как и для героев Л. Толстого, «Сибирь становится особым пространством, резко противопоставленным суетной социальной жизни, обладающим исключительным потенциалом очищения и преображения личности, что было своеобразным изводом романтического “двоемирия”» и связано с представлением «о Сибири как о своеобразной нравственно-социальной утопии, отрицающей власть законов общества и возвращающей человека к изначальным, божественным законам» [8, с. 40]. Все это, видимо, справедливо относительно воззрений Л. Толстого, однако, следует дифференцировать позиции Толстого и Достоевского во взглядах на Сибирь. Представление Достоевского о Сибири лишено каких-либо «романтических» иллюзий и утопизма. Находясь в Сибири, Достоевский на себе ощутил «власть законов общества», которые на каторге отнюдь не были отменены, и «возвращение к изначальным, божественным законам» совершалось в жизни Достоевского и впоследствии его героев под влиянием очищающего душу страдания. Категории *страдания и труда духовного и физического* прочно связаны у Достоевского с Сибирью как пространством не иллюзорным, а обладающим конкретными климатическими и социальными условиями. Сибирь у Достоевского – место физических и духовных страданий – представляет собой пространство смерти (воплощенное в образе острога), пройдя через которое, его герои возвращаются к жизни. Сибирь – это почва, которая принимает «падшее зерно» и дает жизнь новому «плоду» («если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» – Ин. 12: 24).

Сибирь как место спасения изображается в романе «Униженные и оскорбленные», опубликованном, так же, как и «Записки из Мертвого дома», после возвращения писателя из ссылки в 1861 г. В системе почвеннических оппозиций Достоевского, получивших воплощение в романе, Сибирь противопоставлена Пе-

³ Нельзя не упомянуть в связи с этим, что этот путь был пройден и самим Достоевским, который выехал из Петербурга 24 декабря 1849 г., накануне Рождества, а вышел из острога весной, накануне Пасхи.

⁴ А. В. Шунков, отмечая общую для «Записок из Мертвого дома» и романа «Преступление и наказание» идею, в основе которой лежит евангельская традиция, указывает, что композиция «Записок из Мертвого дома» «является прообразом композиции последующего романа “Преступление и наказание”» [7, с. 151], с чем нельзя полностью согласиться, поскольку то, чему посвящены «Записки...» – изображение процесса перерождения души преступника под влиянием каторги, в романе в свернутом виде представлено в эпилоге, и «воскресший» духовно герой «Преступления и наказания» в финале стоит не на пороге освобождения от каторги, а в самом начале семилетнего заключения, в начале истории «постепенного обновления человека», «постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неизвестной действительностью» [4, т. 6, с. 422].

тербургу, как Россия – Западу. «Уехал бы куда-нибудь отсюда, хоть в Сибирь» [4, т. 3, с. 218]; «Брошу все и уеду в Сибирь» [Там же, с. 220], – заявляет в отчаянии старик Ихменев. Однако переезд в далекую сибирскую провинцию пугает его добрую жену Анну Андреевну: «Место-то ему... выходит; только, как подумаю, в Перми, так и захолонет у меня на душе...» [Там же, с. 221].

Как писал в статье «Сибирь перед судом русской литературы» (1865 г.) Н. М. Ядринцев, «едва ли есть на свете страна, подобная Сибири, о которой бы существовали столь смутные и столь разнообразные мнения» [9, с. 21]. Во взгляде Достоевского на Сибирь соединились различные, порой взаимоисключающие, оценки. Основанием для такого широкого взгляда было то знание, которое писатель вынес из своего непосредственного опыта жизни в сибирском остроге, солдатской службы в сибирском линейном батальоне и поездок по сибирским городам. Пройдя через каторгу, Достоевский воочию убедился в правомерности суждения о Сибири как о «гиблом месте». В последней главе «Записок из Мертвого дома» герой Достоевского, прощаясь с сибирским острогом, пишет: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром!» [4, т. 4, с. 231].

Н. Ядринцев, автор очерков и статей о сибирской каторге и ссылке⁵, называющий себя «последователем Достоевского в литературе в области исследования», «собратом по духу и судьбе» [9, с. 58], замечает: «Часто слово “Сибирь” страшно звучало в ушах русского человека! С ним сопряжена была самая грустная идея, самая мрачная картина. Ему виделась снежная страна, где в горных рудниках томятся люди, обреченные на каторгу среди неволи, цепей и глухих страданий» [10, с. 21]. Сибирь в представлении современников Достоевского – место ссылки и каторги, куда попадают в наказание (отсюда и страх Анны Андреевны). В следующих за «Униженными и оскорбленными» романах Сибирь упоминается в связи с наказанием, которое должны пройти герои, совершившие преступление.

Чудо воскресения Раскольникова в Сибири стало возможным только в результате открывшейся ему истины – ни с чем несравнимой в человеке любви к жизни и ценности человеческой жизни, – разрушившей всю его казуистику. «Он смотрел на каторжных товарищей своих и удивлялся: как тоже все они любили жизнь, как они дорожили ею! Именно ему показалось, что в остроге ее еще более любят и ценят, и более дорожат ею, чем на свободе» [4, т. 6, с. 418]. Автор подчеркивает, что окончательное перерождение героя потребует от него терпения и мужества перенести все страдания: «Они положили ждать и терпеть. Им осталось еще семь лет; и до тех пор столько нестерпимой муки <...>. Но он воскрес, и он знал то, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим. <...> Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что её надо еще дорого купить, заплатить за неё великим, будущим подвигом...» [Там же, с. 421–422]. Воскресение к новой жизни Раскольников переживает, стоя на берегу Иртыша. Эти «страдания» и «берег» предсказал Раскольникову Порфирий Петрович: «Что ж, страдание тоже дело хорошее. Пострадайте. <...> отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, – прямо на берег вынесет и на ноги поставит» [Там же, с. 351].

⁵ В журнале «Дело» выходит ряд очерков и статей Н. Ядринцева: «Письма о сибирской жизни» (1868, № 5), «Община и ее жизнь в русском остроге» (1869, № 7, 9), «Типы сибирского острога» (1870, № 5), «Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений» (1870, № 10), «Преступники по изображению романтической и натуральной школы» (1872, № 5) и др.

В заключение романа «Идиот» скупо сказано, что Парфен Рогожин «был осужден, с допущением облегчительных обстоятельств, в Сибирь, в каторгу, на пятнадцать лет, и выслушал свой приговор сурово, безмолвно и “задумчиво”» [4, т. 8, с. 508]. Возможно, эта «задумчивость» Рогожина – начало осознания своего греха, и принятие страдания, которое ждет его в Сибири.

Дмитрием Карамазовым сибирская каторга воспринимается как место, где он сможет искупить страданием свою вину «перед всеми» и возродиться к новой жизни. В монологе Мити слышится голос самого Достоевского, пережившего каторгу: «Можно найти и там, в рудниках, под землей, рядом с собой, в таком же каторжном и убийце человеческое сердце и сойтись с ним, потому что и там можно жить, и любить, и страдать. Можно возродить и воскресить в этом каторжном человеке замерзшее сердце, можно ухаживать за ним годы и выбить наконец из вертепа на свет душу высокую, страдальческое сознание, возродить ангела, воскресить героя!» [4, т. 15, с. 31]. По словам В. Розанова, Дмитрий «ощутил в себе “нового человека” и готовится там, в холодной Сибири из рудников, из-под земли, запеть “гимн Богу”» [11, с. 83].

Сам Достоевский, имеющий опыт жизни в Сибири (и не только каторжный), оценивает этот край и по-другому⁶. В одном из писем из сибирской ссылки, предполагая остаться там надолго и успокаивая родных относительно своей судьбы и положения вновь обретенной семьи (жены и пасынка, которых ему нужно содержать), Достоевский сообщает: «В Сибири такая нужда в людях честных и что-нибудь знающих, что им дают места (частные, например у золотопромышленников) с огромными жалованиями» [4, т. 28/1, с. 262]. В «Записках из Мертвого дома» автор-издатель записок Горянчикова во Вступлении рассуждает о Сибири: «...не только с служебной, но даже и со многих точек зрения в Сибири можно блаженствовать. Климат превосходный; много чрезвычайно богатых и хлебосольных купцов; много чрезвычайно достаточных инородцев. Барышни цветут розами и нравственны до последней крайности. Дичь летает по улицам и сама натывается на охотника. Шампанского выпивается неестественно много. Икра удивительная. Урожай бывает в иных местах сам-пятнадцать. Вообще земля благословенная» [4, т. 4, с. 5–6]. Иван Петрович (герой-рассказчик романа «Униженные и оскорбленные», близкий автору), утешает Анну Андреевну: «В Сибири совсем не так дурно, как кажется. <...> В Сибири можно найти порядочное частное место, и тогда...» [4, т. 3, с. 221].

Взгляд на Сибирь как на богатый край берет свое начало в эпоху географических открытий XVIII в. Вспомним крылатую фразу Ломоносова о том, что богатство России будет «прирастать Сибирью». Эта идея также близка Достоевскому, который с увлечением мечтает о возрождении этого края и всей России через Сибирь. Сибирь и Азия, по Достоевскому, важнее для России, чем Европа: «Но от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум. А между тем Азия – да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем <...> Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш большой корень...» [4, т. 27, с. 35–36]. В последнем выпуске «Дневника писателя» за 1881 г. Достоевский набрасывает программу освоения богатств Сибири и Азии, что должно, по мысли автора, способствовать возрождению России: «Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия. <...> И знаем ли мы, какие богатств-

⁶ Сразу после возвращения из ссылки Достоевский писал А. Е. Врангелю: «Поговорим о старом, когда было так хорошо, об Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я покинул ее...» [4, т. 28/1, с. 337].

ва заключены в недрах этих необъятных земель <...> Стремление в Азию, если б только оно зародилось меж нами, послужило бы, сверх того, исходом многочисленным беспокойным умам, всем стосковавшимся, всем обленившимся, всем без дела уставшим» [4, т. 27, с. 37]. В результате цивилизаторской деятельности, по мысли Достоевского, «создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила» [Там же, с. 38].

Таким образом, в публицистическом дискурсе в соответствии с историософской концепцией почвенничества Достоевского Сибирь приобретает значение благословенной земли, топоса возрождения не только отдельной личности, но и всей нации.

Список литературы

1. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
2. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа // Лотман Ю. М. О русской литературе. М.; СПб.: Искусство – СПб, 1997. 848 с.
3. Итокава К. Записки о «Живом доме» // Достоевский в культурном контексте XX века. Омск, 1995. С. 152–157.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.; СПб.: Наука, 1972–1990.
5. Касаткина Т. А. «Записки из Мертвого дома»: сцена в бане и ее иконописный первообраз. Образ Исаия Фомича // Достоевский и современность: Материалы XXI Международных Старорусских чтений 2006 г. Великий Новгород, 2007. С. 142–152.
6. Тоичкина А. Поэтика символа в «Божественной комедии» Данте и в «Записках из Мертвого дома» Достоевского // Достоевский и мировая культура: Альманах. М., 2013. № 30, ч. 1. С. 83–108.
7. Шунков А. В. Литературная традиция Ф. М. Достоевского в польской беллетристике (Ф. М. Достоевский «Записки из Мертвого дома» и Шимон Токаржевский «Семь лет каторги») // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 6. С. 145–153.
8. Разумова Н. Е. Чехов, Сибирь и литературная традиция // Проблемы литературных жанров: Материалы IX Межвуз. науч. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 37–42.
9. Ядринцев Н. М. Достоевский в Сибири // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. Т. 5. С. 58–66.
10. Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом русской литературы // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. Т. 5. С. 21–28.
11. Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет. М.: Искусство, 1990. 605 с.

V. I. Gabdullina

Barnaul, Russian Federation

MOTIF OF DEATH – RESURRECTION IN THE SIBERIAN TEXT BY F. M. DOSTOEVSKY

The article discusses a mortal plot of the novel «The House of the Dead», which takes place in accordance with the author's idea of spiritual resurrection through suffering. According to Dos-

Сюжет и тезаурус смерти

toevsky, Siberia is a space of death (embodied in the form of prison), passing through which, his characters come to life. Siberia is a soil that receives a «fallen grain» and gives birth to a new «fruit». The motif of resurrection through Siberia is being developed in a number of plots by Dostoevsky, which is indicative of the motif's functioning in the Siberian text of the author. In the journalistic discourse in accordance with the historiosophical concept of pochvennichestvo by Dostoevsky, Siberia obtains the meaning of revival topos not only of an individual but of the entire nation.

Keywords: motif, the Siberian text, composition, plot, pochvennichestvo, revival topos.

Gabdullina Valentina I. – Doctor of Philology, Professor of Literature, Altai State Pedagogical University (55 Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russian Federation, vigv@mail.ru)